

 АРАЖСКАЯ
• РУСЬ •

Дорогие мои читатели! Я искренне рад тому, как был воспринят «Язычник». Было у меня опасение, что переход, пусть и постепенный, через «Князя» и «Героя», от жанра авантюрно-приключенческого к жанру «классического» исторического романа будет труден не только для меня, но и для вас. Тем более радостно было узнать, что современный читатель готов понимать и принимать действительно сложный текст. Текст, в котором Госпожа История не просто фон, контекст, а главная составляющая сюжета.

Спасибо всем, кто не счел за труд в той или иной форме высказаться по поводу моей трактовки событий того времени. И соглашусь с теми, кто считает, что никто и никогда не узнает в точности, как всё это было на самом деле. С позиции исследователя можно говорить лишь о большей или меньшей степени достоверности.

А вот с позиции писателя никакой двойственности быть не может. Чтобы вы, друзья мои, поверили мне (а иначе я был бы никудышным писателем), я должен видеть то, о чём рассказываю. Как писал в свое время Роберт Макки в книге «История»¹ о нас, писателях: «Я считаю, что мы не отвечаем за излечение социальных недугов, возрождение веры в человечество, за воодушевление общества и даже не должны раскрывать свою внутреннюю суть. У нас есть только одна обязанность — говорить правду».

¹ «Story», так называется эта книга. То есть история — в смысле рассказ, а не наука. В русском переводе ее название «История на миллион долларов». Но это уже особенности нашего менталитета.

Вот, собственно, и всё. И вот почему и в этой книге нет истории обращения Владимира. Увидеть эту правду я пока не сподобился.

Однако история преобразования княжьей руси, ближних и дальних торговых и воинских представителей киевского князя в государство, в централизованную державу, по-моему, вполне достойна отдельной книги.

Ну а для тех, кто все-таки предпочитает авантюрно-приключенческую литературу, добавлю: приключений в этом романе хватает. Как всегда — в переломные эпохи.

Древние китайцы желали своим врагам «жить в эпоху перемен». Но нам, живущим именно в такое время, время создания и крушения империй, время стремительных и необратимых изменений, нам это привычно. Однако, чтобы выживать и побеждать, одной привычки мало. Необходимо хотя бы примерно представлять собственное будущее. И не в контексте «всё плохо, а будет еще хуже», а с пониманием, со знанием того, что будущее — будет. А для этого нам просто необходимо время от времени оглядываться назад. Нам просто необходимо знать историю мира, в котором мы живем, чтобы смотреть на события не с крышки помойного бачка, а с высоты тысячелетнего опыта человечества.

Ну и кроме того, это просто очень интересно. Ведь никакой писательской фантазии не хватит, чтобы придумать такие сюжеты, какие запросто создавала Госпожа История.

*ориентированное главным образом на тех,
кто не читал предыдущих книг*

Краткая историческая справка

Время — девятьсот восьмидесятый год от Рождества Христова, если исходить из отечественных источников.

Владимир только-только вокняжился в Киеве. Город он занял мирно (силой бы вряд ли взял), затем хитростью, с помощью боярина Блуда, доверенного лица Ярополка, Владимир заманил своего единокровного брата в ловушку, где Ярополк был людьми Владимира предательски зарезан.

Учитывая, что третий сын Святослава, Олег, был убит (вернее, погиб от несчастливой случайности во время усобицы с Ярополком), то конкурентов у Владимира больше нет.

Однако положение у князя непростое. Он пришел в Киев, поддержанный северянами (новгородцами и другими), а поддержку эту ему обеспечила не только извечная вражда Новгорода и Киева, но и обещание выкорчевать посаженные еще Ольгой ростки христианства. Его девизом было «За старых богов!», и он пользовался безусловной поддержкой всех язычников, включая и большинство киевских ревнителей старой веры. Это было тем более удобно, что по языческим канонам убийство Ярополка шло Владимиру в плюс, а не в минус. Убийца вождя — законный его наследник.

Однако сил ополчения для победы было явно недостаточно, поэтому с Владимиром в Киев пришли скандинавы. Тут были и люди из собственной дружины Владимира, и его родственники, и обычные наемники-викинги, рассчитывавшие поживиться в богатых городах Гардарики. Публика самая разная. Например, брат первой жены Владимира Олавы. И племянник Владимирового воеводы Сигурда, совсем юный, но уже весьма шустрый Олав Трюггвисон — сын убитого конунга Норвегии. И еще прорва всякого сброда, крайне огорченного тем, что Киев не был взят силой и, следовательно, не отдан на разграбление.

Собирая войско, Владимир взял на себя немалые обязательства. Теперь по этим обязательствам надо было отвечать.

Обязательства перед наемниками-скандинавами были денежные, перед язычниками-словенами — моральные. Ответить по вторым было проще. Христиан Владимир прижал легко: поручил церкви, возвел капища и тем изрядно укрепил свои политические позиции.

А вот разобраться со скандинавами было посложнее. Денег у Владимира было — в обрез. Гражданская война удовольствие недешевое и малоодоходное. Первым делом он разделил силы «противника». Часть его сторонников-скандинавов получила бонусы — земельные наделы. И сразу оказалась в оппозиции к тем, кто получил дырку от бублика. Так у Владимира появилась возможность (то есть — сила) сообщить остальным наемникам, что платить по счетам он не собирается. Тем более что Владимиру они были больше не нужны. Теперь его главными противниками были степняки-печенеги, а в степи от пешего войска викингов толку немного. Викингам такой оборот событий, как и следовало ожидать, пришелся не по вкусу. Прямо выступить против Владимира им теперь было не по силам, а вот расползтись по окрестностям и грабить его подданных — это запросто.

Проблему надо было решать, и решать быстро, потому что «бесхозные» викинги были не единственной опас-

ностью. Были еще поляки, захватившие на западе кусок владений киевских князей — так называемую Червонную Русь. Были «партизаны» в землях кривичей (те, кто служил убитому Владимиром Рогвольду), были племена-данники, которые воспользовались случаем, чтобы выйти из-под протектората киевских князей.

Владимиру предстояло решить все эти проблемы. И не откладывая. Надо было срочно показать свою силу. Да, конкурентов на киевское княжение у Владимира не было. Однако если не принять срочных мер для удержания подданных земель, то существовал риск того, что от немаленькой державы, контролирующей огромную территорию, останется одно только Киевское княжество. Обидно, однако.

Краткая сюжетная справка

Одним из главных героев «варяжского цикла» (Княжья Русь — шестая его книга) является выходец из XX века Сергей Духарев, он же — боярин Серегей, воевода князя Святослава, человек в Киеве весьма уважаемый и авторитетный. Вдобавок — невероятно богатый, потому что унаследовал от брата своей жены (и расширил изрядно) развитую торговую сеть, состоящую не только и не столько из движимого и недвижимого имущества, сколько из полезных связей и контактов. Позиция Серегея усиливалась доскональным знанием геополитической ситуации как на западе, так и на востоке. А также тем, что киевский боярин Серегей одновременно являлся полноправным гражданином ряда городов Западной Европы (что давало ему права на выгодную торговлю и доступ к первым лицам) и законным, даже титулованным гражданином Византии, что опять-таки давало ему права торговать в Восточно-Римской империи. Чужеземцам такое не позволялось. Они могли лишь продать свои товары византийским перекупщикам (часто по фиксированным и изрядно заниженным ценам) и купить у них то, что разрешено к экспорту Палатием.

У боярина Серегея было два сына. Артем — воевода Ярополка, а затем и Владимира, муж внучки князь-воеводы Свенельда и посаженный (Владимиром уже) князь уличский — один из тех, кто должен был защищать границы княжества от набегов.

Второй сын, Богуслав, — попроще. Он — сотник киевской дружины, но в жизни успел многое. Например, стать любовником дочери Рогвольда Полоцкого Рогнеды. Еще до того, как Владимир убил Рогвольда и сделал его дочь своей младшей женой. О связи Богуслава и Рогнеды он, к счастью, не знает. Еще младший сын боярина Серегея успел поссориться с главным жрецом Сварога, и тот, обиженный, устроил так, что имя Богуслава оказалось на жребии, который указывал на будущую жертву, угодную Сварогу.

Жребий этот забрал Владимир, который, во-первых, был немало обязан роду Серегея, а во-вторых, был главным жрецом одного из конкурентов Сварога — варяжского Перуна.

Забрал, но не аннулировал, так что жизнь Богуслава всё еще была под угрозой.

Тем более что Богуслав — христианин. Как и все в роду боярина Серегея. А еще жена боярина Сладислава — внучка болгарского царя по женской линии. Об этом, впрочем, знают только она сама и ее муж.

Кроме того, у боярина Серегея имеется дочь. Она замужем за Йонахом, сыном Машега, давнего друга Серегея и одного из самых знатных хазарских вождей, едва не казненного своим каганом, но сохранившего влияние, изрядную часть богатств и замечательные воинские навыки степного вождя в двадцатом поколении.

Такова общая картина. Должен также напомнить, что и Сергей Духарев, и его потомки — герои, придуманные самим автором. Однако они вписаны в исторический контекст так, чтобы их присутствие никоим образом не влияло на ход настоящей истории.

Вот, пожалуй, и всё. Более подробная информация — в предыдущих книгах.

Часть первая
ПЕРУН И СВАРОГ

ГЛАВА 1

Железо и дерево

Темна южная ночь. Тьма лежит и над Горой, и над Подолом. И над новоставленным капищем старых богов, и над древними замшелыми идолами, спрятавшимися под сенью резных дубовых листьев.

Здесь, за частоколом черных от времени бревен со вздетыми на них оберёгами, звериными и человеческими черепами, укрылась низкая темная изба, в которой на жертвенных овечьих шкурах спят вповалку сытые и пьяные «сварожьи дети», младшие служки страшного чужим и своим древнего бога.

Старшие сварги почивают отдельно, за кожаным пологом. Кто — сам, кто — с девкой. Все как на подбор кряжистые, бородатые, суровые даже во сне.

И уж совсем наособицу, за дубовыми дверьми, на мягком ложе из овечьей шерсти покоится главный служитель могучего Сварога. Кудлатая крупная голова главного жреца уютно лежит на мягкой груди дебелий пшеничнокосой девки. Вторая девка, такая же телестая и сисястая, сама устроилась на сварговой груди, и распущенные волосы ее мешаются с кудрявой, как шерсть барашка, сварговой бордой.

В головах ложа, крохотным теплым огоньком, — масляная лампа. Натешившимся плотскими радостями спящим свет не мешает.

Над ложем висит густой дух браги и любовного пота, однако чья-то заботливая рука уже побеспокоилась о будущем пробуждении главного жреца, и на полу, рядом с ночным горшком, — вместительный кувшинчик с капустным рассолом.

Огонек изложницы — единственное светлое пятнышко на всем спящем капище, и это — на руку тем двоим, что среди ночи закинули крючья-когти на украшенные черепами колья изгороди.

— Медведь? — чуть слышно спросил один из них.

— Был да сдох, — так же тихо ответил второй. — Брагой опоили.

— Вот дурни, — первый блеснул улыбкой. — Вперед, брат?

— С Богом, — ответил второй, и оба, слаженно, быстро перебирая веревки руками, взлетели на частокол и прыгнули вниз.

Однако ж не все живое спало на капище. Спали только люди. А вот огромные кудлатые, полудикие, вскормленные жертвенными внутренностями волкодавы стражу несли бдительно. Свирепые псы не лаяли. С густым утробным рыком они набросились на незваных гостей. Чтобы убивать чужих, им не требовалась помощь человека.

Но — не в этот раз. Двое «гостей», еще в прыжке, добыли оружие: один — недлинный мощный лук, другой — чуть изогнутую саблю. Трижды щелкнула тетива, трижды сверкнула сталь, вспарывая и густую шерсть, и толстую шкуру, и плотные мышцы, будто горячий нож — масло. По-иному и быть не могло для клинка и руки, поставленных на железную чешую панцирей.

Шесть зверей легли на землю, тут же пропитавшуюся кровью.

Стрелок, наклонясь, быстро и умело вырезал стрелы из собачьего мяса.

Второй застыл, ожидая и настороженно вслушиваясь в ночь.

Несколько мгновений — стрелок выпрямился, и оба «гостя», бесшумно и быстро, бросились к избе.

Дверь была открыта — для свежего воздуха, но дух внутри все равно был тяжкий, затхлый. Двое «гостей», никого не потревожив, проскользнули между спящими. Один откинул полог во вторую клеть, второй проник внутрь и чуть слышно прищелкнул языком. Первый проследовал за ним.

Дверь в третью клеть была закрыта. Сквозь щели пробивался желтоватый свет.

Первый достал из сумки на поясе маленькую склянку с маслом и капнул на дверные петли. Второй приоткрыл дверь. «Гости» проникли внутрь.

Главный жрец спал. Из раззявленного рта вырывался храп и смрадный дух перегара.

Двое — один оказался чернявым, второй — светловолосяным — разом взяли спящих девок за белые горлышки.

Девки трепыхнулись было, но через пять дюжин ударов сердца так же разом обмякли. Обе были живы, но разбудить их теперь было бы трудно.

«Гости» переглянулись и улыбнулись друг другу, дружно подхватили девок и сложили их поодаль, на устилающую пол не обтертую еще медвежьей шкуру. Потом чернявый присел на край постели, положил ладонь на раззявленную пасть сварга, а другой рукой поднес к переносице жреца короткий нож.

Жрец запыхтел, заперхал, дернулся... Продрал глаза — и обомлел. Стальное жало глядело прямо в зеницу.

— Тихо, тихо... — ласково-строго, будто осаживая взывавшего коня, произнес чернявый и немного отвел клинок.

Сварг скосил глаза к переносице, пробежал взглядом вдоль лезвия, остановил его на недобром лице незваного гостя — и произвольно дернулся.

Второй тут же поставил на волосатый живот жреца ногу в остроносом сапожке с серебряной вышивкой.

Жрец замер, кося выпуклым, налитым кровью глазом то на страшный кинжал, то на еще более страшного гостя.

— Признал, — удовлетворенно кивнул чернявый. — Признал меня, сучий выкидыш.

— Да, во...

Мозолистая рука вновь закрыла сваргов рот.

— Не говори ничего, — негромко произнес гость. — Глазками мигни, этого довольно.

Жрец покорно мигнул.

— Дурень ты, — сказал чернявый проникновенно. — Ужель решил, что мы брата своего тебе, росомaxe дурной блудливой, отдадим? А может, ты не сам гнушь такую придумал? Может, подсказал кто?

Сварг бешено завращал глазами, замычал...

Чернявый убрал руку, разрешил:

— Говори.

— То не я, — жарко прошептал жрец. — То Сварогова воля. Кто слушается, тому — кара страшная, неминуемая. И вам...

Мозолистая ладонь опять оборвала и пылкую речь, и смрадный дух, источаемый слюнявой волосатой пастью.

— Пугает, — темноволосый обернулся к блондину. — Нас пугает, пес шелудивый. Кумиром своим пугает. Деревяхой засаленной.

Светловолосый ослабился и предложил:

— Может, язык ему отрезать?

— Шумно будет, — не согласился первый. — Да и кровью может захлебнуться. Но что-то отрезать надо.

— Надо, — согласился светловолосый. — Может, удилице ему укоротим?

И пихнул сапогом соответствующее место.

Вмиг красно-багровая рожа сварга стала синевато-белой.

Темноволосый убрал руку.

— Не н-н-а-адо... — жалобно проблеял сварг.

— Почему? — Темноволосый приподнял бровь.

— Я-я-а... Я-я-а... — Подбородок жреца трясся, как у припадочного.

— Его из сваргов выгонят, — пояснил светловолосый. — У них ежели увече, так к служению бесовскому, считай, непригоден. Будет не с девками валяться, а нужники чистить.

— Ну девки ему тогда уж ни к чему будут, — резонно заметил чернявый. — А нужники тоже чистить надо. Они ж тут жрут — мы с тобой в походе вдвоем за день столько не съедим, сколько такой вот опарыш в один присест уминает. Так что нужники здешние очень даже в чистке нуждаются.

— П-п-ощадите... — выдавил наконец сварг.

Черноволосый долго смотрел на него. Жрец под его взглядом то краснел, то бледнел.

Наконец незванный гость произнес:

— Ладно. Прощу тебя, дурака. В первый и последний раз. Но если ты еще раз протянешь свои кровавые лапы куда не следует, я лично тебе калеными клещами не только уд, но и язык вырву. И никто меня не остановит: ни князь, ни твой засаленный идол. Веришь мне? — И глянул так, что переполненный мочевой пузырь сварга все-таки не выдержал.

— Фу-у... — брезгливо процедил светловолосый. — Пошли отсюда, братец. Всё он понял.

— Живи пока, — разрешил чернявый. — И помни: теперь твой бог — не дерево, а железо. Вот это железо!

И быстро провел кончиком кинжала по ребрам. Кожа разошлась, и темная кровь вмиг покрыла сваргов бок.

Жрец даже не пикнул.

Темноволосый выпрямился, взял с лавки рушник, вытер сначала кинжал, потом ладонь, которой зажимал сваргу рот. Швырнул рушник жрецу и стремительно-легким движением покинул ложницу.

Светловолосый — за ним.

Задержался только на миг, сделал жест — будто вырывает что-то, засмеялся беззвучно и пропал, не забыв, впрочем, притворить за собой дверь.

Сварг зашипел злобно, схватил с пола кувшин с расолом, жадно выдул половину, прижал рушник к поцарапанному боку, открыл было рот, чтобы закричать... Но задумался. Поглядел на сложенных у лавки беспмятных девок, прислушался... И звать никого не стал.

А что кричать? Он признал гостей. Остановить таких в капище некому. Тут и полного десятка княжьих гридней маловато будет.

Главный жрец тяжело плюхнулся на ложе, поглядел на бок. Кровь уже почти остановилась. Неглубоко резнул вогор. Так, чтобы память была. Сварг это понимал. И еще он понимал, что сейчас ему следует решить, кого он больше боится: страшного ночного гостя или не менее страшного грозноликого бога. Что так, что эдак, а кого-то придется обидеть. И ни тот, ни другой обиды не простят.

В этом главный Сварогов жрец града Киева не усомнился ни на мгновенье.

ГЛАВА 2

Выбор Сварога

Первыми шли жрецы. Обряженные, как положено по обычаю, с подобающими атрибутами и истовыми лицами ведомых богом. За жрецами, а вернее, вокруг них, то обгоняя, то отставая, торопились служки — ражие молодцы с дубинами. За служками — прочий люд. Кто тоже с дубьем, кто с косами, а у некоторых даже луки и сулицы припасены.

Толпа двигалась через город неторопливо, но уверенно. Ворча, как огромный многоголовый зверь и понемногу обрастая сторонниками (коих у сварожьих детей в Киеве было немало), обычными зеваками и городским отребьем, уповающим под шумок пограбить богатеев. По чью душу идет гневный люд, никто не сомневался. Все знали о страшном жребии и о том, что воевода Серегей наотрез отказался отдавать сына.

— Мы Сварогу не служим, — заявил боярин-воевода. — Желаете кого — выбирайте из своих. А жребий ваш — лживый. Ежели кто усомнился, на чьей стороне Правда, так можно и рассудить. В любое время на любом перекрестке.

Желающих рассудить не нашлось. В силу Сварога многие веровали, но скрестить клинки хоть с кем из воеводиноного семейства рискнули бы немногие. Однако эти немногие были сплошь княжьими людьми и кланялись в большинстве не Сварогу, а своему Перуну.

В Киеве говорили, что принудить воеводу должен сам князь. Как повелось. Забрал жребий — верши.

Но князь помалкивал, а в старшей дружине Владимира хоть и было довольно полян, древлян и прочих, да сила их была — не главная.

А тут еще скандинавы. Этим Сварог и вовсе без надобности. У них свой старший бог — коварный и злопамятный Один, не пожалевший глаза за право ведать прошлое и будущее и глядеть невозбранно во все три мира. Так и викинги. Глядят везде и хапают где удастся. Этим и поводу не надо, чтоб городу разор устроить. Не хочет князь раздора. Ну, коли так, то кликнули сварги киевских да окрестных людинов, старым богам верных, и сами пошли справедливость свершить.

Через городские ворота толпа вошла беспрепятственно, а вот у стены, что вокруг Горы стояла, вышла заминка. Затворили перед ними ворота.

Возможно, пошумела бы толпа и ушла: кольями да дубинами стену не разобьешь. Потешились бы внизу, разбили склады купеческие да лавки на рынке — и ушли. Но через малое время ворота открыли.

Оказалось, на страже нынче преданные Сварогу гридни смольнянского воеводы Путяты. А может, жрецы нарочно подгадали именно к этой страже...

Так или иначе, но толпа на Гору взошла. И двинулась меж крепких заборов и каменных стен к давно намеченной цели.

Вел толпу сам главный сварг.

Гора настороженно ждала. Ворота во дворы плотно затворялись и укреплялись железными засовами. Сверху, со стен, на сбившуюся толпу сурово глядели вооруженные луками люди. Сварожьи дети поглядывали на них с опаской, но уповали на силу Сварога, а более всего — на свою многочисленность.

В хвосте толпы, поигрывая топорами, вышагивали нурманы ярла Торкеля. Чувствительные носы викингов безошибочно угадывали возможность поживиться.

Главный сварг уверенно привел толпу к тяжелым дубовым воротам, увенчанным литым византийским крестом.

Увидев крест, толпа обрадованно взревела. Дубье тут же загрохотало в створки. Над воротами поднялся плечистый воин в круглом шлеме.

— А ну прочь, псы! — взревел он, перекрывая шум. — Прочь — или буду бить!

Ответом ему был град камней, некоторые из которых достигли цели и с лязгом ударили в боевое железо. Воин слетел с ворот, и тут же со двора, навесом, взмыли стрелы. В толпе раздались вопли: у сварожьих детей не было ни щитов, ни шлемов и защититься от смертоносного града было нечем.

Но кровь не остановила, а только разъярила толпу. Даже те, кто шел лишь добиться справедливости, теперь готовы были убивать.

Град охотничьих стрел и камней полетел с улицы на подворье. Этот град был намного гуще, и стрелять со двора перестали.

Четверо меньших жрецов, дюжих бородачей, с тяжелыми, на длинных рукоятях топорами лесорубов подступили к воротам.

Топоры дружно ударили в столбы, вырубая железные петли. Вскоре дерево начало поддаваться, толпа радостно заревела, навалилась — и ворота упали внутрь.

Сварожьи дети ворвались на подворье и растеклись по нему, круша и ломая все, что подвергывалось под руку. Мимоходом забили нескольких холопов и двух сторожевых псов, сунулись к дому и отхлынули, оставив на земле трех зарубленных.

В сенях, плечом к плечу, перегораживая вход, стояли варяги. Огромные, страшные, все в железе, с мечами в руках.

Толпа подалась назад. Сварожьи дети, даже в хмельном угаре божьего гнева, не рвались на верную смерть.

Но тут вперед вышел главный сварг.

— Отдай нам сына своего, варяг! — громко, так, чтобы услышали все, закричал он. — Отдай своего сына богу — и мы более никого не тронем!

— Деревяшка твой бог, и ничего более! — прогудел воин. — Един Бог над нами, и имя ему Иисус Христос!

— Ну и где твой бог? — насмешливо заорал сварг. — Что-то я его не вижу! Что ж он не придет и не покажет себя?

Толпа одобрительно зарычала и прихлынула поближе, но сварг тут же раскинул руки, останавливая ретивых. Ему вовсе не хотелось, чтобы его вытолкнули под мечи варягов.

— А где твой бог? — заорал в ответ воин. — Он хочет моего сына, так пусть придет и возьмет! А вы что тут делаете?

— Они так до вечера проболтают, — проворчал викинг по прозвищу Рваная Щека. — Пойдем-ка пособим! — И стал пробираться вперед, грубо расталкивая толпу. Остальные нурманы последовали за ним.

Клин викингов легко пробил себе дорогу. Передние даже сами потеснились, пропуская нурманов. Уж эти варягов не испугаются. Сами такие.

Но викинги драться не стали. Рваная Щека только глянул на мужей в сенях и понял, что позиция у них — выигрышная. И в сам дом тоже не войти — окна высоко и узкие. Опять-таки опыт подсказывал, что в окнах этих не девки сладкие поджидают, а варяжские трэли с луками. Дом можно было поджечь, но как тогда грабить?

Рваная Щека еще раз оценил положение, и опыт тут же подсказал ему, что следует делать. Пара слов, брошенных другим хирдманам: викинги разошлись в стороны, подступили к сеням сбоку и разом обрушили топоры на резные столбы, на которых покоилась крыша. Действовали северяне быстро, умело и дружно, так что сени рухнули в считанные мгновения, погребя под собой храбрых защитников.

Тут уж и толпа ринулась вперед. Сбитых с ног придавленных варягов долго били и топтали...

...А нурманы тем временем уже проникли внутрь, разбили на пары, разбежались по дому и начали убивать. Но убивали — расчетливо. Только тех, кто вставал на дороге. Тех, кто не сопротивлялся или прятался — не трогали. Пожимали — времени в обрез.

Вон сверху, из Детинца, слышен стон тревожного била.

Снаружи еще дотаптывали варягов, а Рваная Щека уже держал за горло хозяйскую дочь, а ее мать поспешно складывала ценности в бугристые от мозолей лапы нурманов...

Закончили быстро. Брали только золото, серебро и самоцветы, на мелочь не разменивались. Может, и осталось что-то в схоронках, да времени (нурманы это нюхом чуяли) осталось — чуть.

Рваная Щека отшвырнул полузадушенную девку, мамаше дали кулаком по затылку, чтоб не вопила, и ушли. Дом покинули через крышу, потому что окна были слишком узки, а в сенях толпа всё еще терзала уже мертвых варягов.

С крыши дома нурманы махнули на сеновал над конюшней (под открытый навес), соскочили на землю и, расталкивая теснящийся на подворье люд, спокойно двинулись к выходу. Им не препятствовали. Чернь вокруг занималась тем же, чем только что — сами нурманы. Грабила подворье. Только тащили смерды, с точки зрения нурманов, всякую дрянь: упряжь, медную посуду, хозяйственную утварь... Каждый старался урвать, что мог. Могли смерды немного. В овине завопила девка: кто-то пристроился попользоваться. Нурманов это не касалось. Они знали, что будет дальше. И убралась очень вовремя. Причем двинулись не вниз, а вверх — к княжьему терему. Не успели и на сто шагов отойти, как пришлось спешно прижаться к забору: мимо, нахлестывая коней, тесным строем промчались княжьи гридни. Нурманов не тронули. Решили: те ни при чем.

Несколько мгновений — и снизу раздались вопли стаптываемых смердов. У ворот разгромленного подворья

образовалась давка. Часть погромщиков кинулась вниз, остальные — обратно на двор. Кто-то пытался спрятаться в доме, кто-то бестолково носился по подворью, самые ловкие полезли через забор на соседние дворы. Вот это они — зря. Соседи, не смевшие высунуться, когда толпа громила варягов, с появлением княжьей гриди враз осмелели и встретили беглецов жестоко: били чем попало, скручивали, вязали... Всякий, забравшийся на чужой двор без спросу, считался татем, и хозяин был в полном праве даже его убить. Но какой прок убивать, если можно сделать холопом? А если пойманный — уже чей-то раб, то и денег за него стребовать. Зачем же тогда лишать жизни? Дворы на Горе богатые, хозяева — крепкие. Рабочие руки лишними никогда не будут.

Часть гриди помчалась вниз, следом за беглецами, но тем сварожьим детям, которые пустились наутек, повезло больше прочих, потому что навстречу всадникам вышли другие вои. Тоже — княжки. Кмети княжьего воеводы Путятя.

Чудом обошлось без крови. Спас сам Путятя, который встал на пути гридней с поднятыми пустыми руками.

Остановил. Наверх поднялись уже вместе, причем воев с Путятой было раз в пять больше, чем варягов. Эти могли бы защитить своих единоверцев, но немного запоздали: варяжская гридь подворье уже очистила. Часть черни побили, часть — затолкали в овечий загон.

Опознанных как сваргов спешившиеся варяги вязали и складывали у конюшни. Главного жреца уже подтянули за руки к вратной перекладине.

— Отвязать! — скомандовал своим Путятя.

— Не трогать! — рывкнул командир варягов Пежич, тоже воевода не из последних.

— Прочь руки от божьего человека! — бешено процедил Путятя.

— Кому — божий человек, а кому тать подлый! — прорычал Пежич, спрыгивая с коня и вытягивая меч.

Варяги мгновенно перестроились, конные взялись за луки. Численное преимущество воев Путяты варягов не смутило.

На их стороне — Правда. Кто на свободного людина посягнет, на жизнь его, здоровье его, имущество иль жену, тот вор и тать. Его бить хоть до смерти, а коли жив останется, так в яму бросить и держать там, пока не выкупится. Или в холопы продать. А кто смуту учинил, с того еще строже спросить. Такому — только смерть.

Такова Правда, таков закон и обычай.

Однако ж есть кое-кто и над Законом. Светлые боги выше. Против богов пойти — большую беду на все людство навлечь. Жрецы — они богам служат и волю их передают. Но жрецы все же не боги. Могут и ошибиться. Воротами, например. А уж попутать собственные чаяния с волей бога... Могут. И тогда бог их покарает. А поскольку молний на каждого сквернавца не напасешься, то кара может и от рук человеческих изойти.

Путята покосился на жреца. Путята неплохо знал этого сварга. Был с ним не то чтобы в дружбе, но — в содружестве. Сварга надо выручать. Убьют его — самому Сварогу поношение. Сейчас сварг пускай и сильно побитый, но — живой. И висит как раз между кметями-полянами и варягами. Будет сеча — его первого и убьют. Да и драться с варягами не хотелось. Путята в Киеве — чужой. Его опора здесь — князь да воевода Добрыня. А понравится ли Владимиру, если его гридь между собой сцепится? Ох, вряд ли!

— Берегись, смольнянин! — Пежич в отличие от Путяты не колебался. — Кто братьев моих убивает, тому — смерть лютая! Кто защищает их — пес поганый, и мясо его подлое — стервятникам на поживу!

— Это кто ж тебе брат, воевода? — мрачно спросил Путята. — Служка ромейского бога — твой брат?

«Не хочет драться», — понял Пежич.

Жаль. Ярость Пежича не улеглась. И давать слабину он не собирался. Но и первым нападать не следует.

— По мне, — сказал он, — что ромейский бог, что полянский, что хузарский — разницы нет. Есть наша варяжская Правда, и по ней за смерть варягов платить надо.

— Я заплачу! — быстро сказал Путята. — Скольких убили? Двоих? Плачу, как за княжьих-gridней, — по сорок гривен. С лихвой. Значит — сто. Примешь?

— Щедро. — Пежич расправил усы. — Любишь ты, видать, этого пса. Может, он — папаша твой?

Путята побагровел. Едва удержался...

— Все мы — сварожьи дети, — выдал он, стараясь не смотреть на Пежича.

— Вы, — уточнил Пежич, ухмыляясь. — Мой бог бараньей крови не пьет. Ему другая любя. А я так думаю: ежели ты — бараний бог, так на волков рот не разевай!

Варяги захохотали.

Путята заскрипел зубами, но сдержался.

— Хватит тебе виры в сто гривен? — процедил он. — Или мало?

— Сто гривен — это не вира, — спокойно произнес Пежич. — Это головное князю нашему. За убийство. А виру тебе вдова сама назначит. За мужа и сына. За дворню побитую, за дом порушенный, за всё разворованное. Кто ответ держит? Он? — Варяжский меч — граница меж жизнью и смертью — указал на сварга.

— Я! — быстро сказал Путята. — Я принимаю долг. Можно мне снять сварга?

— Снимай, — разрешил Пежич.

Вот теперь всё по Правде.

Воевода-варяг не стал напоминать Путяте о том, что выплата виры и головного не означает, что о мести забыто. Деньги — деньгами, а кровь — кровью.

Но это уже дело не его, Пежича, а родовичей убитого. Так что одна надежда у сварга — на божье заступничество. Хотя лично он, Пежич, очень сомневается, что Сварог окажется сильнее Перуна. Было бы так — сидел бы в киевском Детинце не варяжский князь, а полянский.

ГЛАВА 3

Удачный день боярина Блуда, или О том, как продавали нурманов

О прискорбном деле, свершенном на Горе, Владимир узнал лишь на следующий день, потому что во время самих событий князя в Киеве не было — ходил с малой дружиной, дядькой своим Добрыней (мастером договариваться) и хускарлами Сигурда (чтоб договариваться было попроще) в древлянские земли: поставить свою власть на бывшей вотчине младшего брата Олега.

С ним же был и воевода Артем, недавно сыгравший свадьбу с внучкой Свенельда Доброславой и получивший в приданое спорные уличские земли. Земли, примученные когда-то, вернее, отбитые Свенельдом у угров. Древяне же воспользовались усобицей и попросились под руку Владимира. Владимир, который еще с новгородского своего княжения лелеял обиду на отцовского воеводу Свенельда, взял древлян охотно. Он бы и прочие земли Свенельдовы взял — сила была. Выручил Артем. У собственного воеводы приданое отнимать — нехорошо. Но Свенельда Владимир и тут ущемил: назвал Артема уличским князем и обязал Киеву малой данью. Себе, не Свенельду. Часть древлянских земель, тех, что раньше принадлежали брату Олегу, Владимир отдал на прокорм Сигурду. Нурманский воевода был ему нужен. Не хотелось великому князю, чтобы тот отбыл домой вместе с Олавом, когда придет тому время отбивать отцовский стол.

Словом, отъехал князь с тремя воеводами, а вернулся только с одним — дядькой Добрыней. Артем и Сигурд остались при своих новых землях.

Тут-то и сообщили великому князю злые новости. И еще сообщили, что на ромейском подворье многие, напуганные языческими погромами, готовятся уходить домой.

Ссориться с ромеями князю было не с руки. Он знал, на что способно ромейское золото.

А тут еще викинги заволновались, почуяв слабину. Некстати оказалось отсутствие Сигурда. Ярл умел обуздывать викингов. Бескровно.

Слухачи Добрыни при нурманах сообщили: кое-кто из скандинавов неплохо пограбил на разгромленном подворье. Их видели в первых рядах сварожьих детей, да и вдова убитого варяга сказала, что все богатства их отняли именно нурманы. Даже неплохо описала одного — с грубым звездчатым шрамом на правой щеке. Шрамов на нурманских мордах было множество, но разбойника признали: хирдманн ярла Торкеля Бьерн Рваная Щека. Тут бы злодея и наказать, но Добрыня отговорил. Вольных нурманов в Киеве и окрестностях — тысячи. И сила у них изрядная. А обещанные деньги им так и не заплатили.

С ромеями пришлось договариваться отдельно. В этом Владимиру изрядно помогли вуй Добрыня и особенно верный боярин Блуд, который дал великому князю замечательный совет, разом убивший двух жирных зайцев.

* * *

На сей раз встреча боярина Блуда и тайного посланца византийского императора произошла прямо в доме боярина. Вернее, в его тереме, укрытом за стенами небольшой крепостицы Загорское, подаренной Блуду Владимиром. Вместе с окрестными землями, естественно. Крепостица стояла в пятидесяти верстах от Киева, и моравский боя-

рин предпочитал жить именно там, а на Горе появлялся исключительно редко и только по зову князя Владимира.

Боялся Блуд. И справедливо боялся. Многие в Киеве охотно увидели бы голову Блуда отдельно от туловища. Рука князя надежно ограждала Блуда от явных ударов, но от тайного могла защитить только крепкая стража. В маленьком Загорском, где всё принадлежало боярину, это было сделать куда легче, чем в большом Киеве.

Вот почему с посланцем паракимомена Василия¹ Блуд встречался не в своем доме на Горе, а здесь, в Загорском.

В терем ромея пропустили, но в одиночестве, оставив сопровождающих во дворе. Впрочем, Блуд принял посланца весьма радушно: угостил обедом и всячески выказывал свое расположение. Очень любил боярин ромейское золото. И очень рассчитывал на щедрость посланника.

Посланник же сначала держался строго. Даже укорил Блуда за языческие настроения нового великого князя и убийства «братьев»-христиан. Дескать, во времена Ярополка ничего подобного и быть не могло.

Блуд ничуть не смутился. И, в свою очередь, напомнил посланнику о том, что Византии более не следует опасаться доблестных полководцев Святослава. А уж продолжение переговоров с германским императором Оттоном или даже с самим Папой Римским теперь и вовсе невозможно.

Что же до язычества, то это лишь вопрос времени. Наступит час — и истинная вера вернется на эту землю. И придет она не из Болгарского Царства или, хуже того —

¹ Паракимомен Василий — незаконный сын Романа I Лакапина, евнух и неизменный «премьер-министр» при дворах Никифора II Фоки (963—969) и Иоанна I Цимисхия (969—976). По некоторым данным, он активно способствовал смерти императора Никифора от рук Иоанна Цимисхия (о чем можно прочесть в моей книге «Герой» и в исторических источниках, разумеется), а затем отправил и самого Цимисхия. В описываемое время Василий продолжал фактически руководить Византийской империей, но уже при собственных внучатых племянниках, Василии и Константине.

с Запада, а исключительно из самой Византии. Разве не об этом следует заботиться тем, кто блюдет интересы Константинополя?

Посланник взглянул на факты под предложенным углом и решил, что Блуд истолковал их очень верно. И если именно так преподнести их Василию, то блюдо окажется вовсе не горьким, а напротив — отменного вкуса.

Настроение ромея заметно изменилось к лучшему, и тут Блуд преподнес посланнику еще один «подарок». Замечательное предложение о том, как можно значительно ослабить киевского князя, а Византийскую империю, напротив, существенно укрепить.

Известно ли посланнику, что в настоящее время на киевской земле находится несколько тысяч страшных скандинавских воинов?

Посланнику об этом было известно.

А известно ли посланнику, что подобное войско не может находиться в бездействии?

Посланник и с этим согласился.

А куда, по мнению посланника, может повести данное войско воинственный сын Святослава?

Посланник вновь помрачнел. Ближайшим местом, по настоящему привлекательным для алчных северян, несомненно была Римская империя.

Что делать?

Посланник задумался, но ненадолго. Политика Византии в подобных ситуациях была одинаковой вот уже много веков. Можно сказать: традиционной. И формулировалась просто: сколько?

— Сколько хочет Владимир? — В лоб, не по-византийски прямо спросил посланник.

— Владимир обещал викингам по две гривны с каждого киевского жителя, — сказал Блуд. — Однако денег у него нет. А коли так, то придется ему это серебро добыть. Так или иначе... — Блуд испытующе поглядел на посланника.

Ромей прикинул, сколько свободных живет в Киеве (холопы, женщины и дети, разумеется, — не в счет)... Сумма получилась не просто изрядная — фантастическая. Купить покойного Ярополка было бы намного дешевле. Тем более где гарантии, что, получив деньги, чуждый христианскому миру Владимир станет безопасен для империи? Скорее он, подобно своему отцу, жадно проглотит подачку и потребует новую.

Блуд наблюдал за ромеем с большим интересом. Он отлично знал, чего хочет собеседник. Он хочет стать патриkiem империи. Воплощение же этой мечты напрямую зависит от результатов его миссии здесь, в Киеве. И вот сейчас мечта эта уходит от посланника в поистине несбыточные дали.

— Есть и другой выход, — произнес Блуд, когда решил, что пиво созрело. — Заплатить деньги мне.

Посланник ответил не сразу. Он был опытным игроком и понимал, что противостоит ему не менее искушенный соперник. Ромей тоже не первый год знал Блуда. Он сам немало поучаствовал в том, чтобы поднять моравского изгоя до нынешних высот. Но тот оказался настолько хитер, что вместо ожидаемой зависимости от имперской помощи ухитрился сделать так, что вскормившие его ромей сами оказались в зависимости от этого жадного, подлого и очень-очень хитрого человека.

«Надо от него избавиться», — мелькнула мрачная мысль. Надо. Но не сейчас. Сейчас киевский боярин все еще нужен.

— Что получит Константинополь, если заплатит тебе, а не князю? — наконец выдал ромей.

— Во-первых, это будет стоить дешевле, — хитренько улыбнулся Блуд. — Те же две гривны — с носа... — Боярин сделал паузу, с удовольствием наблюдая, как ромей изо всех сил пытается казаться невозмутимым. Это было так приятно — перехитрить хитреца. — ...По две гривны,